

оригинальная статья
УДК 811.11

Вербализация аксиологического аспекта образа игрока в новелле С. Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины»

Изабелла Викторовна Корогодина
Иркутский государственный медицинский университет,
Россия, г. Иркутск; korogodina@mail.ruАнна Андреевна Сазонова
Иркутский государственный медицинский университет,
Россия, г. Иркутск

Поступила в редакцию 21.04.2021. Принята в печать 21.06.2021.

Аннотация: Предметом исследования являются языковые метафоры с соматическим компонентом *Hand*, служащие для описания образа игрока. Цель – проанализировать языковые метафоры, вербализующие образ игрока, и описать частнооценочные значения, отражающие его аксиологический аспект. Цель и предмет исследования определили необходимость решения следующих задач: изучить и проанализировать языковые метафоры с соматическим компонентом *Hand*, выделить их частнооценочные значения, описать образ игрока и его аксиологический аспект, выраженный данными метафорами. В работе рассмотрена классификация языковых метафор с соматическим компонентом *Hand* по уровню языковой иерархии, по типу переноса и по критерию стилистической значимости. Выявлены их частнооценочные значения, представленные сенсорными, сублимированными и рационалистическими оценками. Установлено, что отличительной характеристикой образа игрока является преобладание негативных сублимированных оценок с акцентом на их этический аспект (морально / аморально). Сделан вывод, что образ игрока представляет собой совокупность положительных и отрицательных оценок, представленных частнооценочными значениями с преобладанием этического аспекта *аморально*, вербализованными языковыми метафорами с соматическим компонентом *Hand*.

Ключевые слова: соматизм, рука, семасиологическая метафора, ономасиологическая метафора, двустороннее метафорическое словосочетание

Цитирование: Корогодина И. В., Сазонова А. А. Вербализация аксиологического аспекта образа игрока в новелле С. Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 494–502. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-494-502>

Введение

Актуальность исследования определяется высоким интересом современной антропологической лингвистики к проблемам использования в речи соматической лексики. Внимание ученых к данному классу языковых средств обусловлено тем, что они представляют собой обширный лексикологический кластер, в котором зафиксированы особенности мировосприятия и национально-культурная специфика этноса. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект. <...> Присутствие человека даёт о себе знать на всём пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [1, с. 3].

Понятие соматизма (от др.-греч. σῶμα тело) вошло в научный оборот благодаря работе Ф. А. Вакка «О соматической фразеологии эстонского языка» [2]. Изучая фразеологию этого языка, он отметил, что во многих фразеологизмах содержатся наименования частей тела (голова, рука, нога и др.), что и позволило назвать данные фразеологизмы соматическими. Некоторые современные ученые склоняются к более широкому пониманию соматизма. По мнению Н. И. Якимовой, соматизмы охватывают названия не только частей тела человека, но и его внутренних органов [3].

Иными словами, ученый относит к соматизмам все те наименования, которые имеют непосредственное отношение к анатомии человека.

Более развернутую картину содержания соматизма предлагает Р. Ю. Мугу. Изучив и проанализировав соматическую лексику немецкого и русского языков, он разработал классификацию соматических лексических единиц, состоящую из следующих базовых разрядов: сомонимическая лексика, остеонимическая лексика, спланхнонимическая лексика, ангионимическая лексика, сенсонимическая лексика и лексика, обозначающая недуги, болезни и проявления человеческого организма [4]. Как видно из приведенной классификации, соматизмы представляют собой обширный комплекс лексических единиц, включающий в себя названия всего, что является неотъемлемой частью организма человека.

Характерной чертой большинства соматизмов является метафоризация представлений о человеческом теле. Процесс метафоризации осуществляется путем сопоставления разного рода объектов, связующим звеном которых выступает человек, являющийся по сути мерой всех вещей [5]. Свойственная метафоре антропометричность, по мнению В. Н. Телии, заключается в способности человека представить один объект, как если бы он был другим объектом

или чем-то известным и наблюдаемым, опираясь при этом на собственные знания и представления [6; 7]. Данная позиция основана на переосмыслении уже имеющихся в языке номинативных средств с целью их использования в новом для них отношении именования. В этой связи метафора представляет собой перенос формата с одного денотата на другой, помогая увидеть абстрактное в конкретном, а духовное – в материальном [8; 9]. Под формативом понимается фонетически и морфологически оформленная материальная оболочка, относящаяся к обозначению двух различных денотатов (единичных фрагментов действительности): фиктивного и реального.

Особое значение в данном процессе приобретают языковые метафоры, в том числе с соматическим компонентом. Они классифицируются по уровню языковой иерархии, по типу переноса и по критерию стилистической значимости. По уровню языковой иерархии они подразделяются на метафоры-слова, метафоры-словосочетания и метафоры-предложения; по типу переноса – на односторонние семасиологические, односторонние ономасиологические метафоры-слова, метафоры-словосочетания, метафоры-предложения с полным метафорическим переносом и двусторонние метафорические словосочетания; по критерию стилистической значимости – на узуальные и окказиональные метафоры [8; 9].

Односторонние семасиологические метафоры с полным метафорическим переносом характеризуются наличием одного и того же формата. Фиктивный денотат выражается эксплицитно, реальный же выявляется только из контекста [8, с. 78–79]. Односторонние ономасиологические метафоры с полным метафорическим переносом отличаются наличием денотатов (фиктивного и реального) в рамках одного предложения [8, с. 80]. Для двусторонних метафорических словосочетаний с полным метафорическим переносом свойственно эксплицитное выражение денотатов, относящихся к одному формату [8, с. 126].

Узуальные и окказиональные метафоры отличаются новизной их значения. Как отмечает С. А. Хахалова, узуальные метафоры характеризуются «привычной санкционированной узусом формой словоупотребления, в которой отсутствует элемент оригинальности» [8, с. 96]. Они представляют собой готовый элемент лексики, который не нужно каждый раз создавать, «делать» – их берут готовыми и употребляют в речи [10]. Окказиональные метафоры, напротив, уникальны и своеобразны. Это метафоры индивидуального творчества. Анализ метафор с соматическим компонентом дает возможность увидеть специфичность языковых средств автора, выявить их семантические особенности, а также раскрыть отношение автора к природе человека и его жизнедеятельности, в основе которого лежит оценка черт характера человека, его поступков и состояний, что соответствует аксиологическому или оценочному компоненту в значении метафоры, ее эмоционально-оценочному статусу [11, с. 94].

Под оценкой обычно понимают выражение ценностного отношения человека к фрагментам окружающего мира. Она содержит объективный и субъективный компоненты. Объективный компонент ориентирован на «свойства предметов и явлений, на основе которых выносятся оценки» [12, с. 22]. Он выражается «общеоценочными предикатами *хорошо / плохо*, имеющими обобщающую оценку, объединяющую частнооценочные значения, в которых дается оценка по отдельно взятому свойству» [1, с. 198]. Субъективный компонент предполагает «положительное или отрицательное отношение субъекта оценки, т. е. лица или социума, от которого исходит оценка, к ее объекту, т. е. тот предмет или явление, к которому относится оценка» [12, с. 22]. Его отражают частнооценочные значения, представленные предикатами *желательно / нежелательно, одобрение / неодобрение, привлекательно / непривлекательно* [1, с. 198].

Частнооценочные значения представлены в языке тремя группами оценок: сенсорными, сублимированными и рационалистическими. Сенсорные оценки связаны с чувственным опытом человека – физическим (сенсорно-вкусовые оценки: *вкусный / невкусный*), психическим (психологические оценки – интеллектуальные: *интересный / неинтересный, умный / глупый*) и эмоциональным (*приятный / неприятный, желательный / нежелательный*). К сублимированным оценкам относятся эстетические (*красивый / некрасивый*) и этические оценки (*моральный / аморальный, добрый / злой*). Эстетические оценки базируются на синтезе сенсорных и психологических оценок; этические – на степени соответствия предъявляемым нормам.

Рационалистические оценки ассоциированы с практической деятельностью человека и его повседневным опытом. Их основным критерием выступает физическая или психическая польза (*полезный / вредный*). Различают нормативные (соответствие установленному стандарту: *правильный / неправильный*) и телеологические оценки (направленность на достижение цели: *эффективный / неэффективный*) [13, с. 70].

Для определения роли языковых метафор с соматическим компонентом, а также их аксиологической значимости в художественном тексте проанализируем одно из произведений немецкоязычного писателя Стефана Цвейга (1881–1942). Повести этого знаменитого австрийского автора отличаются четко выстроенным захватывающим сюжетом и изобилием различного рода метафор, многие из которых содержат наименования частей тела. Одной из таких повестей является «Двадцать четыре часа из жизни женщины» о взаимоотношениях зрелой дамы и молодого офицера, страдающего игроманией. В фокусе внимания находятся эпизоды, описывающие руки человека во время игры за карточным столом. В каждом из них содержатся определенные соматические языковые средства, которые в совокупности объективируют образ игромана. Основными средствами вербализации этого образа являются метафоры с соматическим компонентом *Hand* (кисть руки) и его субкомпонентом *Finger* (палец).

Методы и материалы

В исследовании использованы описательный метод, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа и метод дискурсивного анализа. С помощью описательного метода языковые метафоры с соматическим компонентом *Hand* были классифицированы по уровню языковой иерархии, по типу переноса и по критерию стилистической значимости. В ходе компонентного анализа языковых метафор установлено, что образ игрока представлен узуальными и окказиональными односторонними семасиологическими метафорами-словами, двусторонними метафорами-словосочетаниями, односторонними ономазиологическими метафорами-предложениями с соматическим компонентом *Hand*. Выявлено преобладание окказиональных, односторонних ономазиологических метафор-предложений с полным метафорическим переносом при описании образа игрока. С помощью контекстуального анализа определены общеоценочное (*плохо*) и частнооценочные значения образа игрока, представленные сенсорными, сублимированными и рационалистическими оценками. С помощью дискурсивного анализа определена отличительная характеристика образа игрока – преобладание негативных сублимированных оценок в его структуре с акцентом на этический аспект, указывающих на взаимосвязь между языком и социальными процессами.

Исследование выполнено на материале текста новеллы С. Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины» на немецком языке. Это и другие произведения С. Цвейга неоднократно становились объектом внимания лингвистов [14–19]. Работы данных авторов сфокусированы преимущественно на изучении концептуального, гендерного, эмотивного и нумерологического аспектов. Интерес ученых к новеллам этого известного австрийского писателя обусловлен уникальным авторским стилем, занимательным сюжетом, а также многообразием языковых и стилистических средств, включая метафоры с соматическим компонентом *Hand*. Насколько нам позволяет судить анализ работ по исследуемой тематике, исследование данного класса метафор в рамках произведения «Двадцать четыре часа из жизни женщины» выполняется впервые. Выбор метафор с соматическим компонентом *Hand* в качестве предмета исследования объясняется тем, что они позволяют вербализовать сложный и неоднозначный образ игрока, установить взаимосвязь между внутренним (сущностные характеристики человека, чувственный опыт) и внешним (жестикация, позы) в человеке.

Результаты

В процессе изучения произведения нами было выявлено 36 примеров использования языковых метафор с соматическим компонентом *Hand* и 8 примеров с соматическим

субкомпонентом *Finger*. Данные языковые метафоры чаще остальных применяются при описании образа игрока, т. к. руки являются самой активной частью тела человека. Более того, они имеют большое значение в оценке личности человека и его характера, поступков и состояний. Особенно наглядно это проявляется в поведении за карточным столом. По словам главной героини повести, внешний вид и движения рук лучше всего раскрывают истинную природу игромана: *Der Mensch verrät sich im Spiele <... > noch deutlicher verrät ihn während des Spieles seine eigene Hand*¹ (S. 34) – еще больше выдает его в игре его собственная рука, потому что все или почти все игроки умеют владеть своим лицом² (с. 72). Эта мысль находит свое подтверждение и во всех нижеследующих примерах.

Как было упомянуто выше, самым употребительным соматизмом в тексте повести является *Hand*. Рука или руки, замещая собой тело человека, как часть – целое, наделяются собственной жизнью, характером и свободой действий, например: *Jede neue Hand am Tisch war mir Erlebnis und Neugier* (S. 36–37) – **Каждая новая рука на столе была для меня источником новых переживаний и возбуждала мое любопытство** (с. 73). Еще одним примером такого замещения служат следующие строки: *macht jede dieser hundert oder fünfhundert Hände unwillkürlich eine ganz persönliche, ganz individuelle Bewegung urtümlichen Instinkts* (S. 35) – эта сотня или даже сотни рук (досл. каждая из этой сотни или пяти сотен рук) невольно производят свое особое, совсем индивидуальное, глубоко инстинктивное движение (с. 72).

В дословном переводе этого фрагмента произведения руки олицетворяют собой человека, который, с одной стороны, обладает ярко выраженной индивидуальностью, а с другой – является лишь частью толпы, движимой первобытным стадным инстинктом. Эти черты являются важной составляющей образа игрока и вербализуются односторонними семасиологическими метафорами-словами с полным метафорическим переносом: *seine Hand, jede Hand, jede dieser hundert oder fünfhundert Hände*, где фиктивные денотаты выражены эксплицитно – *seine Hand, jede Hand, jede dieser hundert oder fünfhundert Hände*, а реальный денотат – *der Spieler* – выявляется из контекста при употреблении лексем *verrät, am Tisch, eine ganz persönliche, ganz individuelle Bewegung*. Односторонние семасиологические метафоры-слова *seine Hand, jede Hand, jede dieser hundert oder fünfhundert Hände* являются также узуальными метафорами, которые часто используются заведомыми игорных заведений. Употребление словосочетания *urtümlichen Instinkts* отражает негативное отношение автора к игрокам. Пристрастие к игре оценивается негативно не только автором, но и немецким социумом в целом. Оно рассматривается как аморальное и попирающее устои общества,

¹ Zweig S. Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau. Wien: Herbert Reichner Verlag, 2014. Здесь и далее по тексту примеры приводятся по данному изданию с указанием страниц в скобках.

² Цвейг С. Двадцать четыре часа из жизни женщины. М.: Public Domain, 2002. Здесь и далее по тексту перевод примеров приводится по данному изданию с указанием страниц в скобках.

что акцентирует внимание на этическом аспекте (морально / аморально) сублимированной оценки.

К другим свойствам, характеризующим личность азартного человека, относятся алчность, одержимость и беспринципность. В этом можно убедиться на следующем примере: *Die Hände, dieselben Hände, die ich noch nachmittags im heiligsten Eid an das Holz des Kirchengestühls verklammert gesehen, sie krallten jetzt wieder gekrümmt im Geld herum wie wollüstige Vampire* (S. 106) – **Руки, те самые руки, которые еще днем неподвижно лежали во время святой клятвы на церковной скамье, теперь неистово сжимались и жадно, как вампиры, тянулись к золоту** (с. 89). В данном отрывке тянущиеся к золоту руки сравниваются с ненасытными вампирами. Использование *Hand* в сочетании со словами *krallen* (впиваться когтями) и *gekrümmt* (искривленный) создают образ жалкого неуклюжего антропоморфного существа, испытывающего жажду наживы.

Данный образ находит выражение в употреблении двусторонней метафоры-словосочетания с полным метафорическим *die Hände krallen*. Фиктивный денотат выражен эксплицитно – *die Hände krallen*, реальный денотат (*der Spieler*) определяется контекстом (*die ich noch nachmittags im heiligsten Eid an das Holz des Kirchengestühls verklammert gesehen*). Сравнение рук с когтями указывает на узуальность, общеупотребительность данной метафоры. Насколько можно судить из приведенного описания, действия данного персонажа вызывают у автора негативное отношение. Наиболее отчетливо это проявляется в описании ситуации в церкви. Молодой человек, который накануне молился о спасении души и обещал покончить с азартными играми, с легкостью нарушает свою клятву при первой же возможности. Такое поведение характеризует его как безнравственного аморального человека и является предметом осуждения и презрения, что выражает этический аспект сублимированной оценки немецкого общества.

Ненасытность и стремление к богатству воплощаются и в других фрагментах текста, например: *die Finger klimperten eitel und verliebt mit den runden Münzen* (S. 43) – **пальцы шаловливо и влюбленно сребрали круглые монеты** (с. 89). Данные свойства человека выражаются в его манере обращения с деньгами. Герой повести воспринимает монеты как нечто живое, испытывая к ним чувства вроде любви и нежности: *vor ihm glitzerte ein wirrer Haufen Jetons und Louisdors und Banknoten, ein schütteres, achtloses Durcheinander, in dem die Finger, seine zitternden, nervösen Finger, sich wohligh streckten und badeten* (S. 43) – **перед ним в беспорядке лежал большой ворох фишек, луидоров и ассигнаций, и его пальцы, дрожащие, нервные пальцы, с наслаждением окунались в них** (с. 89) (досл. приятно потягивались и купались).

Еще одним примером, показывающим маниакальную страсть человека к обогащению, являются следующие строки: *die Finger toll auf den Schmuck lossprangen und ihn hastig einschluckten in die Höhlung der Faust* (S. 89) – **пальцы**

яростно схватили драгоценность и торопливо зажали ее в кулаке (с. 89). В данном предложении пальцы игрока сравниваются с агрессивными зооморфными существами, которые неистово хватаются за все, что представляет материальную ценность, и тут же, словно воры, прячут ее от посторонних лиц. Ненасытность игрока (*die Finger klimperten... mit den runden Münzen*), жажда наживы (*seine zitternden Finger... sich wohligh streckten und badeten*), маниакальная страсть игрока (*die Finger toll auf den Schmuck lossprangen... ihn hastig einschluckten*) выражаются односторонней семасиологической метафорой-словом *die Finger* с полным метафорическим переносом, фиктивный денотат которой выражен эксплицитно – *die Finger*, а реальный – *der Spieler* – выражен имплицитно лексемами *eitel und verliebt, nervös, hastig einschluckten*.

Исходя из того, что части собственного тела способны осознанию себя, своего места в мире и обществе, одностороннюю семасиологическую метафору-слово *die Finger* с полным метафорическим переносом можно считать узуальной, часто употребляемой [20, с. 169]. В приведенных примерах пальцы (*die Finger*) замещают человека в его способности выполнять определенные физические действия: потягиваться (*sich wohligh streckten*), купаться (*badeten*), глотать (*einschluckten*) и испытывать чувства (любовь (*verliebt*), удовольствие (*seine zitternden Finger*) и жадность (*die Finger toll auf den Schmuck lossprangen*)), что отражает эмоциональный аспект (приятный / неприятный, желательный / нежелательный) сенсорной оценки действий игрока, основанной на ощущениях.

Соматизмы *Hand* и *Finger* часто употребляются для описания ощущений, чувственного опыта, психологических и физиологических состояний человека – нервозности, мнимой сонливости. Например: *als ich seine zitternden, nervengeschüttelten Hände auf dem grünen Tisch gesehen habe* (S. 78) – **когда я увидела на зеленом столе его дрожащие, возбужденные руки** (с. 83). Другим примером выражения нервного возбуждения служат следующие строки: *Der krampfge Knäuel der Hände jetzt gleichsam von einer Explosion aufgerissen ward und die Finger zitternd wegsprengte* (S. 42) – **В его глазах вспыхнуло яркое пламя, как, словно от взрыва, разорвался судорожный узел рук, раскидывая дрожащие пальцы** (с. 74). В приведенных отрывках показано состояние человека различной степени интенсивности. В первом примере наблюдается незначительная нервная дрожь, во втором примере – состояние на грани нервного срыва. Средствами выражения последнего служат словосочетания с соматизмами *Hand* и *Finger*. Так, *zitternde, nervengeschüttelte Hände* указывают на небольшое волнение и дрожь, в то время как *der krampfge Knäuel der Hände* свидетельствует о физическом и эмоциональном перенапряжении, которое сравнивается со взрывом.

Еще один пример, отражающий состояние человека за карточным столом: *ein Augenblick kommt unweigerlich, der alle diese mühsam beherrschten, scheinbar schlafenden Finger*

aus ihrer vornehmen Nachlässigkeit aufreißt (S. 35) – Неминуемо приходит минута, которая выводит эти напряженные или, казалось бы, сонные пальцы из их деланного спокойствия (с. 72). В этом примере показано состояние человека, похожее на сон. Оно не связано непосредственно с физиологическим процессом сна, а лишь демонстрирует умение человека вовремя затаиться или притвориться спокойным. Использование соматизма *Finger* в словосочетании *scheinbar schlafende Finger* создает образ хитрого, непредсказуемого и порывистого человека.

В вышеприведенных примерах психологическое состояние человека за игровым столом описано с помощью двусторонней метафоры-словосочетания *nervengeschüttelte Hände* (возбужденные руки) с полным метафорическим переносом. Реальный денотат (*der Spieler*) выражен косвенно лексемой *nervengeschüttelt*, фиктивный (*Hände*) – эксплицитно. Лексемы, представляющие денотаты двусторонней метафоры – словосочетания *nervengeschüttelte Hände*, связаны синтагматически. По критерию стилистической значимости двустороннюю метафору-словосочетание *nervengeschüttelte Hände* можно отнести к узуальным метафорам. Нервозность игрока (*zitternde, nervengeschüttelte Hände*) характеризуется автором как негативное состояние, ощущение, которое демонстрирует эмоциональный аспект (приятный / неприятный, желательный / нежелательный) сенсорной оценки.

Физиологическое состояние игрока описывается двусторонними метафорами-словосочетаниями с полным метафорическим переносом: *der krampfge Knäuel der Hände, scheinbar schlafende Finger*. Реальный денотат (*der Spieler*) представлен косвенно лексемой *krampfge*, фиктивный денотат (*die Hände*) эксплицитен. Оба денотата представлены в рамках одной синтагмы. Употребление метафор-словосочетаний *der krampfge Knäuel der Hände, scheinbar schlafende Finger* подчеркивает творческую индивидуальность автора, что позволяет определить данные метафоры-словосочетания как окказиональные. Физическое перенапряжение игрока, выраженное метафорами-словосочетаниями *der krampfge Knäuel* (судорожный узел) *der Hände, scheinbar schlafende* (спящие пальцы) *Finger*, свидетельствует о вреде игромании, который эксплицируется утилитарным аспектом (полезный / вредный) рационалистической оценки.

Анализируя примеры использования языковых метафор с соматическими компонентами *Hand* и *Finger*, нельзя не отметить, что сравнение кистей и пальцев рук человека с животными является одним из основных приемов, используемых С. Цвейгом для создания образа игромана, например: *die vielen hellen, bewegten, wartenden Hände <...>, alle aus der immer andern Höhle eines Ärmels vorlugend, jede ein Raubtier, zum Sprung bereit, jede anders geformt und gefärbt, manche nackt, andere mit Ringen und klirrenden Ketten aufgezäumt, manche behaart wie wilde Tiere...* (S. 33) – множество светлых, движущихся, ждущих рук <...>; руки, выползающие из берлог-рукавов, каждая как хищный

зверь, готовый к прыжку, каждая другого цвета и формы, одни голые, другие окованные колодами и звенящими браслетами, одни покрытые волосами, как дикие звери... (с. 72). В приведенном примере руки игроков описываются как свора хищников, готовая напасть на свою жертву в любой момент. Как и люди, они могут быть агрессивные и трусливые, голые и покрытые шерстью (волосами), свободные и прикованные цепью, и во всех этих сравнениях отмечается исключительно отрицательная оценка их страсти, поведения и образа жизни.

Другой пример сравнения рук человека с животными: *wilde Bestien mit haarigen, gekrümmten Fingern, die spinnenhaft das Geld einkrallen* (S. 35) – дикие звери с волосатыми, скрюченными пальцами, которые по-паучьи сгребают деньги (с. 72). В данном примере руки человека сравниваются с бестиями или зверями, а его пальцы – с лапами паука. Благодаря сочетанию соматизма *Finger* со словами *Bestien* (бестии, звери), *spinnenhaft* (по-паучьи) и *einkrallen* (вцепляться) создается образ некоего паукообразного чудовища, вызывающего у окружающих страх и ужас. Не вдаваясь в подробное рассмотрение многообразной символики паука, отметим несколько основных значений. К ним относятся «алчность, дьявольское коварство и хитрость» [21, с. 269]. Все эти качества в той или иной мере присущи описываемому нами игроку, чей образ создают односторонние ономазиологические метафоры-предложения *die vielen hellen, bewegten, wartenden Hände, alle aus der immer andern Höhle eines Ärmels vorlugend, jede ein Raubtier, zum Sprung bereit; wilde Bestien mit haarigen, gekrümmten Fingern, die spinnenhaft das Geld einkrallen* с полным метафорическим переносом. И реальный денотат (*der Spieler*), выраженный косвенно лексемами *die vielen hellen, bewegten, wartenden Hände* (множество светлых, движущихся, ждущих рук), и *mit ... gekrümmten Fingern* (со ... скрюченными пальцами), и фиктивные денотаты *ein Raubtier* (хищник), *wilde Bestien* (дикие звери) присутствуют в рамках одного предложения. Данные метафоры-предложения являются окказиональными (авторскими) метафорами. Непреодолимая тяга к быстрой наживе и эфемерным материальным благам приводит к зависимости и утрате духовных ценностей. Такое поведение характеризуется автором как недостойное и аморальное, что обращает внимание на этический аспект сублимированной оценки.

Мы рассмотрели примеры, в которых описания кистей и пальцев рук игрока имеют негативную оценку и отражают только отрицательные стороны его личности. Между тем в тексте произведения есть фрагменты, где руки человека характеризуются положительно: *Es waren Hände von ganz seltener Schönheit* (S. 37) – Это были исключительно изысканно красивые руки (с. 72). В данном фрагменте содержится лишь описание внешнего вида рук, без указания на внутреннее состояние человека или его характер. Однако, учитывая, что эти слова были произнесены главной героиней при первой встрече с молодым офицером, можно сказать,

что они передают ее первое впечатление об этом человеке. Как мы видим, она восхищена необычайной красотой рук игрока и характеризует его в положительном ключе.

Также примером положительной оценки образа игрока является следующий контекст: *diese magischen Hände, die mit jedem Muskel die ganze springbrunnenhafte steigende und stürzende Skala der Gefühle plastisch wiedergaben* (S. 44) – я не спускала глаз с этих **волшебных рук**, которые каждым мускулом пластически отражали взлет и падение чувств (с. 74). В приведенном фрагменте руки игрока описываются как волшебные и олицетворяют собой человека, способного испытывать самые разнообразные чувства, подчеркивая чувствительность и эмоциональность его натуры.

Положительная характеристика игрока вербализуется односторонними ономазиологическими метафорами-предложениями с полным метафорическим переносом: *Es waren Hände von ganz seltener Schönheit; diese magischen Hände, die mit jedem Muskel die ganze springbrunnenhafte steigende und stürzende Skala der Gefühle plastisch wiedergaben*. Реальный денотат (*der Spieler*) выражен имплицитно лексемами *Schönheit* (красота), *stürzende Skala der Gefühle* (взлет и падение чувств), фиктивный денотат (*Hände*) – эксплицитно. При употреблении односторонних ономазиологических метафор-предложений оба денотата присутствуют в рамках одного предложения. По критерию стилистической значимости данные метафоры-предложения относятся к окказиональным (творческим) метафорам. Положительная оценка рук игрока как красивых (*von ganz seltener Schönheit*) и волшебных (*magisch*) указывает на эстетический аспект (красивый / некрасивый) сублимированной оценки.

Заключение

Образ игрока в новелле Стефана Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины» (*Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau*) вербализован языковыми метафорами с соматическим компонентом *Hand* и субкомпонентом *Finger* – метафорами-словами, метафорами-словосочетаниями и метафорами-предложениями. По типу метафорического переноса выделены односторонние семасиологические метафоры-слова *seine Hand, jede Hand, jede dieser hundert oder fünfhundert Hände, die Finger*, двусторонние метафоры-словосочетания *die Hände kralten, nervengeschüttelte Hände, der krampfge Knäuel der Hände, scheinbar schlafende Finger*, односторонние ономазиологические метафоры-предложения *die vielen hellen, bewegten, wartenden Hände <...>, alle aus der immer andern Höhle eines Ärmels vorlugend, jede ein Raubtier, zum Sprung bereit; wilde Bestien mit haarigen, gekrümmten Fingern, die spinnenhaft das Geld einkrallen; Es waren Hände von ganz seltener Schönheit;*

diese magischen Hände, die mit jedem Muskel die ganze springbrunnenhafte steigende und stürzende Skala der Gefühle plastisch wiedergaben.

По критерию стилистической значимости данные метафоры относятся к узуальным метафорам: *seine Hand, jede Hand, jede dieser hundert oder fünfhundert Hände, die Finger, die Hände kralten, nervengeschüttelte Hände* – и окказиональным (авторским) метафорам: *der krampfge Knäuel der Hände, scheinbar schlafende Finger; die vielen hellen, bewegten, wartenden Hände <...>, alle aus der immer andern Höhle eines Ärmels vorlugend, jede ein Raubtier, zum Sprung bereit; wilde Bestien mit haarigen, gekrümmten Fingern, die spinnenhaft das Geld einkrallen; Es waren Hände von ganz seltener Schönheit; diese magischen Hände, die mit jedem Muskel die ganze springbrunnenhafte steigende und stürzende Skala der Gefühle plastisch wiedergaben.*

При описании образа игрока в новелле преобладают окказиональные, односторонние ономазиологические метафоры-предложения с полным метафорическим переносом, отражающие яркую индивидуальность творчества Стефана Цвейга. В данной новелле образ игрока предстает как «оценочная амальгама – органическое соединение нескольких типов оценок» [22, с. 78], сплав из положительных и отрицательных оценок, представленный общеоценочными и частнооценочными значениями. Общеоценочные значения составляют итог процедуры оценивания, они являются универсальными, «гиперонимическими, объединяя в себе гипонимические (частные) оценки, представленные рядом синонимичных оценочных номинаций» [23, с. 90–91].

Преобладающей общей, универсальной оценкой образа игрока является общеоценочный предикат *плохо*. Гиперонимическая оценка *плохо* представлена гипонимическими (частными) оценками – сенсорными, сублимированными, рационалистическими. Ярko выраженной характеристикой образа игрока является преобладание сублимированных оценок с акцентом на их этический аспект (морально / аморально). Это обусловлено тем, что поведение, поступки, образ жизни человека регулируются стандартами – «условностями, нормами, типичными для социального взаимодействия» [24, с. 366] – и более ориентированы на общее социологизированное понятие о моральности / аморальности действий человека.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. 422 с.
2. Вакк Ф. А. О соматической фразеологии эстонского языка // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: мат-лы IX Всесоюз. координац. совещания. (Баку, октябрь 1964 г.) Баку: АН АзССР, 1968. С. 152–155.
3. Якимов Н. И. История изучения соматической фразеологии // Чувашский язык и литература: теория и методика / отв. ред. А. Д. Ахвандерева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. Вып. XXV. С. 203–208.
4. Мугу Р. Ю. Полисемантизм соматической лексики: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003. 166 с.
5. Апресян В. Ю. Семантические типы эмоциональных метафор // Эмоции в языке и речи / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: РГГУ, 2005. С. 9–30.
6. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
7. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 19–67.
8. Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск: ИГЛУ, 1998. 249 с.
9. Гак В. Г. Метафора: Универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 11–25.
10. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука. С.-Петербург. изд. фирма, 1993. 150 с.
11. Аксенова Н. В. Аксиологический компонент в метафоре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2006. № 4. С. 94–100.
12. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: УРСС, 2002. 260 с.
13. Корогодина И. В. Место оценки в структуре концепта ABNEIGUNG // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: мат-лы 3-й Всерос. конф. (Иркутск, 15–16 октября 2009 г.) Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 69–76.
14. Красавский Н. А. Концептосфера рассказа Стефана Цвейга «Звезда над лесом» // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 2. С. 167–173.
15. Красавский Н. А. Метафора как средство вербализации эмоций в произведениях Стефана Цвейга // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2018. № 3. С. 119–126.
16. Муртазина Р. И., Трофимова Л. В. Нумерология в новелле Стефана Цвейга «Brief einer Unbekannten» («Письмо незнакомки») // Наука, образование и культура. 2018. № 4. С. 49–51.
17. Соколова Е. В. Страдание и сострадание в романе Стефана Цвейга «Нетерпение сердца» // Поволжский вестник науки. 2019. № 2. С. 61–64.
18. Омелаенко Н. В. Концептуальный анализ текста новеллы Стефана Цвейга «Amokläufer» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 9. С. 161–166.
19. Буриева Э. Т. Развитие гендерного аспекта в художественном переводе в зарубежном переводоведении на материале новеллы С. Цвейга «24 часа из жизни женщины» // Интернаука. 2020. № 24-1. С. 82–84.
20. Боргоякова О. А. Фразеологические единицы с соматическим компонентом в хакасском языке // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 5. С. 169–174.
21. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. 528 с.
22. Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–90.
23. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 87–95.
24. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект / сост. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1995. С. 314–385.

original article

Image of a Gambling Addict in Stefan Zweig's "24 Hours in the Life of a Woman": Verbalization of the Axiological Aspect

Izabella V. Korogodina

Irkutsk State Medical University, Russia, Irkutsk;
korogodina@mail.ru

Anna A. Sazonova

Irkutsk State Medical University, Russia, Irkutsk

Received 21 Apr 2021. Accepted 21 Jun 2021.

Abstract: The present research featured linguistic metaphors with the somatic component hand as part of the axiological aspect of the image of a gambling addict in Stefan Zweig's 24 Hours in the Life of a Woman. The research objective was to analyze the linguistic metaphors that verbalize the image of a gambling addict and to describe related evaluative meanings that reflect its axiological aspect. The authors also classified linguistic metaphors with the somatic component hand according to linguistic hierarchy, type of transfer, and stylistic significance. Their axiological meanings were represented by sensory, subliminal, and rationalistic evaluations. The image of a gambling addict was based on negative subliminal evaluations with an emphasis on their ethical aspect (moral vs. immoral). The image proved to be a set of positive and negative evaluations, represented by particular evaluative meanings with immoral aspect and verbalized via linguistic metaphors with the somatic component hand.

Keywords: somatism, hand, semasiological metaphor, onomasiological metaphor, bilateral metaphorical phrase

Citation: Korogodina I. V., Sazonova A. A. Image of a Gambling Addict in Stefan Zweig's "24 Hours in the Life of a Woman": Verbalization of the Axiological Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 494–502. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-494-502>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. *Logical analysis of the language. The image of man in culture and language*, eds. Aroutiounova N. D., Levontina I. B. Moscow: Indrik, 1999, 422. (In Russ.)
2. Vakk F. A. Somatic phraseology of Estonian. *Issues of phraseology and phraseological dictionaries: Proc. IX All-Union. Meeting of Coordinators*, Baku, Oct 1964. Baku: AN AzSSR, 1968, 152–155. (In Russ.)
3. Yakimova N. I. History study somatic phraseology. *The Chuvash language and literature: theory and methodology*, ed. Akhvanderova A. D. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t, 2016, iss. XXV, 203–208. (In Russ.)
4. Mugu R. Yu. *Polysemantism of somatic vocabulary in Russian and German*. Cand. Philol. Sci. Diss. Maykop, 2003, 166. (In Russ.)
5. Apresjan V. Yu. Semantic types of emotional metaphors. *Emotions in language and speech*, comp. and ed. Sharonov I. A. Moscow: RGGU, 2005, 9–30. (In Russ.)
6. Teliya V. N. Metaphorization and its role in creating the Russian linguistic worldview. *The role of the human factor in the language. Language and picture of the world*, ed. Serebrennikov B. A. Moscow: Nauka, 1988, 173–204. (In Russ.)
7. Teliya V. N. Secondary nomination and its types. *Language nomination. Types of names*, eds. Serebrennikov B. A., Ufimtseva A. A. Moscow: Nauka, 1977, 19–67. (In Russ.)
8. Khakhalova S. A. *Metaphor in language, thought, and culture*. Irkutsk: IGLU, 1998, 249. (In Russ.)
9. Gak V. G. Metaphor: The universal and the specific. *Metaphor in language and text*, ed. Teliya V. N. Moscow: Nauka, 1988, 11–25. (In Russ.)
10. Skliarevskaia G. N. *Metaphor in the language system*. St. Petersburg: Nauka. S.-Peterb. izd. firma, 1993, 150. (In Russ.)
11. Aksenova N. V. Evaluative aspects in metaphors. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 2006, (4): 94–100. (In Russ.)
12. Volf E. M. *Functional semantic of assessment*, 2nd ed. Moscow: URSS, 2002, 260. (In Russ.)
13. Korogodina I. V. The place of evaluation in the structure of the concept ABNEIGUNG. *Issues of conceptual taxonomy of language, speech, and speech activity: Proc. 3rd All-Russian Conf.*, Irkutsk, 15–16 Oct 2009. Irkutsk: IGLU, 2009, 69–76. (In Russ.)

14. Krasavskiy N. A. Concept sphere of the story by Stefan Zweig "The Star above the Forest". *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2016, (2): 167–173. (In Russ.)
15. Krasavskiy N. A. Metaphor as a means of verbalizing emotions in works by Stefan Zweig. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2018, (3): 119–126. (In Russ.)
16. Murtazina R. I., Trofimova L. V. Numerology in Stefan Zweig's "Brief einer Unbekannten" ("A Letter from a Stranger"). *Nauka, obrazovanie i kultura*, 2018, (4): 49–51. (In Russ.)
17. Sokolova E. V. Suffering and compassion in Stefan Zweig's novel "Impatience of the heart". *Volga Bulletin of Science*, 2019, (2): 61–64. (In Russ.)
18. Omelaenko N. V. Conceptual analysis of text of novella by Stefan Zweig "Amokläufer". *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2019, (9): 161–166. (In Russ.)
19. Burieva E. T. Developing a gender perspective in the fiction translation in foreign translation studies in Zweig's short story "24 Hours in the Life of a Woman". *Internauka*, 2020, (24-1): 82–84. (In Russ.)
20. Borgoyakova O. A. Phraseological units with a somatic component in the Khakass language. *Iazyk i kultura (Novosibirsk)*, 2013, (5): 169–174. (In Russ.)
21. Vovk O. V. *The encyclopedia of signs and symbols*. Moscow: Veche, 2006, 528. (In Russ.)
22. Baranov A. N. Axiological strategies in the structure of language (paremiology and vocabulary). *Voprosy Jazykoznanija*, 1989, (3): 74–90. (In Russ.)
23. Gak V. G. Emotions and evaluations in the structure of speech and text. *Vestnik MGU. Serija 9. Filologija*, 1997, (3): 87–95. (In Russ.)
24. Ortony A., Clore G., Collins A. The cognitive structure of emotions. *Language and Intelligence*, comp. Petrova V. V. Moscow: Progress, 1995, 314–385. (In Russ.)